

Анна Гринь

ЗАБУДЬ МОЕ ИМЯ!
СВАДЕБНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ
ЭЛЛА ПОКИНУЛА ЗДАНИЕ!

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Анна Гринь

Элла покинула здание!

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2019

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г85

Серия основана в 2011 году
Выпуск 464

Художник
И. Воронин

Гринь А. Г.
Г85 Элла покинула здание!: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 314 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2926-4

В этом мире есть люди. Как добрые, так и злые. И они пытаются сосуществовать с магами. В этом мире есть маги. И для того, чтобы их сдерживать, пришлось придумать магконтроль.

Рабочие будни в Центральном управлении магконтроля столицы идут своим чередом, и секретарь Элла Бонс готова помочь старшему следователю Марьяну Белянскому раскрыть очередное загадочное происшествие, а если потребуется — уберечь шефа от смертельной опасности. Но главная опасность, поджидающая старшего следователя, не преступники и гости из иных миров, а сама Элла, поставившая цель завоевать расположение и доверие Марьяна. И, возможно, его сердце...

И кто бы мог предугадать, что любовь может оказаться более увлекательным приключением, чем даже самое загадочное преступление.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Гринь А. Г., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2926-4

ГЛАВА 1

— Не трясись, Элла! — приказала я себе и глубоко вздохнула. — У тебя в жизни было много нелепых, опасных и трудных ситуаций и первый день на работе — не худшее, что с тобой случилось, Элла. Соберись!

Наверное, подбадривание имело бы силу, если бы прозвучало из уст какой-нибудь подруги или родственника, но мне не особо повезло с первыми, а вторые вечно исчезали из моей жизни. Родители, которым следовало бы сидеть рядом со мной в маленьком кафе и пить кофе из больших основательных кружек, умотали в свою очередную экспедицию и даже не озаботились сделать мне подарок в честь выпуска. Но... Конечно, я немного винила их за это. Просто за многие годы научилась принимать их такими, какие они есть.

Родители начали оставлять меня с родней с трех лет, без раздумий бросаясь во все новые и новые авантюры. Из-за этого я почти все свое раннее детство провела то с бабушками, то с кем-то из тетюшек, а потом меня и вовсе запихнули в не очень престижный, но вполне приличный пансион для девочек. Не то чтобы у родителей не хватало денег на оплату моего обучения в элитном учебном заведении, просто мои особенности накладывали некий своеобразный отпечаток на условия, в которых я могла жить в то время, а все престижные учебные заведения располагались или в столице, или вблизи крупных городов. Лишь поэтому я провела почти десять лет в небольшом пансионе в одном уютном местечке, где мне по особой просьбе родителей разрешалось покидать стены учебного заведения в любое время, кроме, собственно, учебного.

Вы спросите — почему? Что ж, об этом я расскажу, но как-нибудь потом.

А пока я сидела за маленьким столиком, маленькими глотками пила кофе и пыталась подготовиться к тому, что мне

предстоит выйти из кафе, пересечь улицу, войти в массивное здание, отделанное белым мрамором, и влиться в ряды работников магического правопорядка.

— Уф... — Сунув в рот крошечную печеньку, которую официант принес вместе с кофе, я раздраженно ею захрустела, надеясь, что так смогу избавиться от нервного напряжения.

А ведь еще вчера, когда прибыла на поезде на Восточный вокзал столицы и с улыбкой волокла свой багаж до крошечной квартирки в Лиловом переулке, я находилась в удивительно приподнятом настроении. Предстоящий труд на благо родного королевства радовал, квартирка казалась вполне уютной, а ужин в кафе через дорогу — вкусным.

Квартирку — крошечное двухкомнатное помещение на втором этаже довольно старого здания — мне предоставило управление. Насколько я знала, всем иногородним молодым специалистам доставалась казенная квартира в этом же переулке, располагавшемся в десяти минутах ходьбы от места работы, так что мне предстояло довольно часто сталкиваться с коллегами, уходя и возвращаясь домой. Управление мне оплачивало и питание в ближайшем кафе.

— Давай соберемся и не будем психовать, — медленно прошептала я себе под нос, вращая на запястье браслет — знак моей принадлежности к магконтролю. — Ты сможешь. Ты сможешь это сделать, тебя примут. И никто ни о чем не узнает. Да?

Я глубоко вздохнула и сделала последний глоток кофе. Вставать не хотелось, но я поднялась и внимательно осмотрела себя, убеждаясь, что за время короткой прогулки и получасового сидения в кафе мой наряд никак не пострадал. Разгладив невидимую складку на идеально скроенной юбке и одернув жакет, я притопнула, улыбнулась сама себе и решительно выпорхнула наружу.

Когда я пересекала улицу и входила в здание, на моих губах играла заранее отрепетированная улыбка, высокие каблочки задорно мелко цокали, а ярко-розовые волосы, чуть завивавшиеся на концах, подпрыгивали в такт шагам. Оглядев огромный холл управления и убедившись, что внутри здание мало чем уступает внешнему облику, я решительно направилась к ошеломленному моим появлением мужчине за высокой конторкой.

— Здравствуйте! — с улыбкой приветствовала его. — Меня зовут рейна Элла Бонс, и мне бы хотелось узнать, где я могу найти рейяна Марьяна Белянского.

Мужчина моргнул, явно ошарашенный моим вопросом, но я и бровью не повела. Все свои сомнения и переживания я оставила за порогом Центрального управления магконтроля.

— А вы по какому вопросу, уважаемая рейна? — осведомился мелкий служащий, главной задачей которого было пресечение беспорядков на первом этаже здания и раздача справочной информации для посетителей. Видимо, в разряд посетителей я не вписывалась.

— Меня прислали в Центральное управление на должность секретаря глубокоуважаемого рейяна Белянского, — четко выговорила я, прижимая к груди маленькую сумочку и толстенькую папку с суконными завязками — полный комплект моих документов, которые мне предстояло вручить непосредственному начальству при личной встрече.

— А-а-а! — сообразил вахтер. — Ясно. Тогда вам, девушка, на третий этаж, кабинет триста первый.

— Благодарю, — снова улыбнулась я.

Мужчина чуть растянул губы в ответной улыбке и, стараясь, чтобы я не заметила, прошелся по мне взглядом. Я ему подыграла. Мне не жалко. Данный субъект меня никак не интересовал. И дело не в том, что мне не нравились мужчины средних лет с явными следами почти неподвижной деятельности. Во все нет. Просто сюда я прибыла работать. И только работать.

Еще секунду постояв у конторки и делая вид, что меня безмерно интересуют люстры на длинных цепях, я направилась к лестнице.

— Рейна, — окликнул меня мужчина. — Уж простите... Просто хочу вас предупредить.

— Да. О чем? — Я оглянулась и с вежливой улыбкой приподняла бровь.

— Белянский — худший из возможных начальников, — чуть помявшись, сообщил доброжелатель. — Вы не расстраивайтесь, если что.

Я снова вежливо улыбнулась, кивнула в знак благодарности и последовала дальше.

Что ж, предупреждение не порадовало, но я и не рассчитывала, что мне повезет.

На втором и третьем этаже — выше я не пошла — коридор устилал темно-синий ковер, отделанный по краю девятилучевыми звездами, как бы напоминая всем работникам, что мы не просто какие-то служащие, а служители правопорядка королевства и именно на нас возлагают надежды как обычные граждане, так и сама корона.

Чуть полюбовавшись ковром и отметив, что тот изрядно затоптан и вытерт — мы, конечно, надежда и опора, но в глазах короля и совета всего лишь одна из структур государства, нечего нас баловать, — я нашла нужный кабинет, постучала и, не дождавшись ответа, преспокойно вошла.

Как и думала, за дверью находилась приемная, а вовсе не кабинет Белянского. Помещение представляло собой продолговатую комнату, большую часть которой занимал угол для посетителей. И это место в комнате выглядело приличнее всего. По крайней мере, кресла и столик хотя бы опознавались, пусть даже на всех видимых поверхностях теснились чашки с засохшей чайной заваркой и кофейной гущей. А вот рабочее место секретаря терялось под грудой папок, наваленных на стол. Папки занимали даже кресло и широкий стеллаж за рабочим столом.

Хмыкнув, я решила, что раз уж осматриваюсь, то надо пополнить свои впечатления. За дверью рядом с входом обнаружился узкий коридорчик, откуда можно было попасть в кухню, крошечную кладовку и туалет. И кладовка оказалась самым чистым местом из трех только потому, что там царила пустота.

Еще раз хмыкнув, я вернулась в приемную, подхватила свою папочку с горы других папок и решительно постучала в дверь кабинета.

— Да! — раздалось изнутри короткое, но я легко уловила все, что осталось недосказано.

— Занятно, — пробормотала я себе под нос и решительно открыла дверь, желая уже наконец узреть того, кто на ближайшее время станет моим непосредственным начальником.

В первый миг я увидела примерно то же самое, что и в приемной: папки на всех мыслимых и немыслимых поверхностях, толстенные справочники, газеты, журналы, разрозненные листочки и все остальные чашки, которым положено было находиться в шкафах кухни, а не балансировать на бумажных горах, прятаться под ними и даже сиротливо прижиматься к ножкам

кресел. Хозяина кабинета я разглядела лишь парой секунд позже и едва не растеряла весь свой боевой настрой.

За столом, заваленным по бокам папками — кто бы сомневался! — сидел хмурый молодой мужик. На вид ему было лет тридцать. Его темно-русые волосы торчали во все стороны, черты лица казались рублеными и острыми, а взгляд мшисто-зеленых глаз — колючим. На подбородке темнела щетина. Для удобства рукава белой рубашки он закатал выше локтя, а за металлическую скобку подтяжки с левой стороны заткнул карандаш. Пиджак рейяна едва не падал с высокой вешалки в виде оленьих рогов, примостившейся в углу кабинета.

«Вот так подстава!» — подумала я с обидой, но тут же взяла себя в руки и широко улыбнулась.

— Здравствуйте, рейян Белянский, — произнесла я и подошла к столу, остановившись так, чтобы иметь возможность опустить перед начальством свою папочку, но при этом не нарушить допустимое минимальное расстояние. Шаги я не вымеряла, по струнке не вытягивалась, не спешила проявлять свое рвение громогласным приветствием и вообще не вела себя как суеязящая мелкая сошка, каковой мне предстояло стать при Белянском.

— По какому поводу? — хмуро спросил мужчина. Под его глазами залегли глубокие тени, скулы отливали желтизной, но, несмотря на явную измотанность, смотрел рейян внимательно.

Он не отрывал от меня взгляда с того самого момента, как я вошла в дверь, и с каждой секундой выражение лица старшего следователя становилось все более и более кислым.

— Меня зовут рейна Элла Бонс, — сообщила я и снова улыбнулась без какого-либо намека на кокетство, а после положила перед Белянским свою папку.

Он уставился на нее, как на змею, поморщился и спросил, уточняя:

— Секретарь?

— Именно, — кивнула я, рассматривая собеседника так, чтобы он уж точно ничего не увидел — я с интересом читала надписи на наградных листах, которые висели в рамочках на стене за спиной Белянского, при этом бросая короткие взгляды на начальство.

Вблизи я с огорчением убедилась в своем первом впечатлении. Начальник мне достался довольно молодой, высокий,

с крепким тренированным телом человека, который не привык руководить своим делом, не выходя из кабинета. Хотелось вздохнуть, но я сдержалась и продолжала удерживать на губах вежливую полуулыбку.

А ведь у меня была надежда, что руководить мной будет какой-нибудь седоусый дядечка с пузом, который лет эдак двадцать—тридцать шел к высокой должности и собственному кабинету! Но нет, мне достался явно деятельный мужик. Это не так плохо, но совсем не то, чего я ожидала.

Бемянский явно разделял мое недовольство, потому как папку открывать не спешил, а лишь таращился на титульник, где значилось, что я закончила профучилище и на самом деле являюсь той, кем представилась, — секретарем и квалифицированным помощником.

Глянув на папку, я едва заметно переступила с ноги на ногу, но от рейяна это движение не укрылось, и он вперил взгляд в район, где кончалась моя юбка.

— Подождите в приемной, — велел он хмуро.

— Да, — преспокойно ответила я и направилась к выходу, точно зная, что мужчина таращится на мои ноги.

Марьян проводил девицу хмурым взглядом и решительно осмотрел свой стол, выискивая кристалл связи. Голубой хрусталик обнаружился под кипой бумаг, и рейян едва ли не с рычанием его выудил, проклиная бумажки, управление и все начальство скопом.

— Крис, — сдавив кристалл пальцами, позвал мужчина, — ты на месте?

Через пару секунд на том конце магической связи послышался хрип, что-то упало, а потом Марьян услышал далекий и сонный отклик приятеля:

— Чего тебе?

— Зайди ко мне.

— Что на этот раз? — сонно спросил Кристэр, но потом встrepенулcя: — Ты выяснил, кто напал на Хваранского?

— Отстань ты со своим Хваранским, — проскрежетал рейян. — У меня будто других дел нет, кроме как распутывать, кто из девочек в борделе наложил на этого оболтуса чары молчания! Это противозаконно, но не смертельно. И не по моему профилю. Сам им занимайся. Жалобы населения по мелким нарушениям — твоя работа.

— Но он ведь важная шишка, — напомнил друг. — Близок к кое-кому из совета. — Марьян мог поклясться, что в этот миг Кристэр многозначительно воздел палец к потолку. — Он желает, чтобы мы разобрались с этим в кратчайший срок, бросили на это лучшие силы.

— А кто у нас лучший?

— Марьян! Мне хватает разбирательства по делу о пропавшей пыли хаоса! — возопил Дубинский. — Чистейшее дело! Никто ничего не видел, а пыль пропала. Будто кто-то телепортировался напрямую в хранилище. Мне в этом деле надо землю рыть, а не с Хваранским разбираться. Может, ты...

— Вот когда он или его кто-нибудь пришибет магией насмерть, я возьмусь за это дело, — отрезал Белянский. — А ты зайди ко мне.

— Марьян, ты... — проворчал Дубинский. — Никакого от тебя сочувствия! А я ведь могу повторить судьбу одного из следователей, что был до меня.

— Какого из них?

— Того, который так и не разобрался в деле о то ли пропавших, то ли не пропавших изобретениях много лет назад, — сказал Крис. — Наследники ученого настаивали, что в дом в день похорон кто-то пробрался и выкрал все последние наработки умершего. Но никто не мог! Если только не телепортировался напрямую в дом.

— Крис, не сравнивай своего Хваранского с этим. И тащи сюда свою персону.

В ожидании приятеля Марьян постучал пальцем по папке с документами Эллы Бонс, не желая ее даже раскрывать. Его корежило от одного почерка на титульнике папки, что уж говорить о самой девице, которую прислали ему в качестве секретарши.

Крис появился в кабинете друга через пару минут, и при этом его глаза горели демоническим огнем, а на щеке приятеля отпечаталась крылатая дева с окованной металлом обложки толстенного судебного, которую тот не раз использовал вместо подушки.

— Слушай, что это за дивное создание у тебя в приемной? — громким шепотом спросил Кристэр, падая в кресло у стола Марьяна. — Не девушка — мечта!

Белянский поморщился. Он ничего не имел против женщин, но предпочитал видеть их вне стен управления. Единственной, кого он признавал достойной работы в магконтроле,

была рейяна Белчер — секретарша главного, проработавшая на своем посту почти полвека и представлявшая собой вовсе не женщину преклонных лет, а истинного питбуля при хозяине. С ней не могли тягаться даже вышестоящие из совета. При этом рейяна так ловко организовывала дела своего шефа, что давно стала его правой рукой, а заодно и его глазами в управлении. Женщина знала обо всем, что происходило на ее территории. И узнавала об этом настолько быстро, что Марьян не раз задавался вопросом о способностях пожилой дамочки. Но всем было известно, что на должность секретарей во все отделения магконтроля всегда набирали выходцев из магических семей, которые по той или иной причине не получили магического дара.

— Эту мечту мне пытаются подсунуть в качестве секретарши, — хмуро сообщил другу Белянский. — Будто у меня других забот нет, кроме как терпеть рядом очередную безмозглую девицу!

Кристэр понимающе хмыкнул. Все в Центральном управлении знали характер рейяна Белянского. Кто-то считал его трудоголиком, кто-то — просто сволочью, но все сходились во мнении, что ужиться с ним невозможно. При этом мелкие шавки вроде жандармов Белянского уважали, а к главному он входил без предварительной записи, потому что имел прекрасные отношения с питбулем Белчер. Марьян прекрасно знал свою работу и считался лучшим специалистом по распутыванию дел об убийствах с применением магии. Но вот держаться от него старались на расстоянии. От сотрудников Белянскому требовалась выдержка, трудоспособность, наблюдательность и нечеловеческое терпение. И пока ни один кандидат, присланный на роль помощника и секретаря старшего следователя отдела убийств, не выдерживал более нескольких дней, а особо трепетные личности сбегали после пары часов.

Девиц Марьян не любил более всего. За пять лет, что он занимал свою должность и кабинет на третьем этаже, в его приемной пытались обосноваться то ли десять, то ли одиннадцать рейн и рейян, но ни одна не задержалась надолго. Чаще всего они вылетали из владений Белянского после громкого разноса начальства, обливаясь слезами и прижимая к груди свои риди-кюльчики. После срыва Марьяна дамочки на рабочее место не возвращались, они или оседали в чьем-то чужом кабинете, или переводились в другое отделение.

— Да ладно тебе, — усмехнулся приятель. — Ты разве не привык еще, что тебе вечно пытаются всучить какого-нибудь работника в подчинение, а ты несчастного или несчастную с треском выгоняешь? Это стало почти традицией. Ребята уже ставки делают на то, сколько продержится каждый из твоих секретарей.

— Будто мне хочется их выгонять, — хмуро глянув на дверь в приемную, проворчал Марьян. — Но мне не нужна в подчинении рабочая единица, не готовая соответствовать минимальным требованиям к занимаемой должности.

— Ты слишком многого хочешь, — усмехнулся Крис. — Секретарша должна улаживать взор, подавать кофе и служить буфером между тобой и посетителями.

Марьян недовольно глянул на приятеля и коллегу, но промолчал. Ему не требовалось озвучивать свои запросы, их знали все в управлении, и варка кофе в длинном списке числилась среди последних пунктов.

— Ты сам видел эту девицу, — прошипел он, понизив голос. — Ну какой из нее секретарь?

Кристэр усмехнулся и довольно протянул:

— Тут ты не прав, Марьян. Рейночка очень и очень...

Марьян отчетливо зарычал:

— У тебя на уме одни девицы!

— Нет, неправда, — возмутился друг. — У меня на уме только девицы с длинными ногами, а тебе достался один из лучших образцов. Что за несправедливость? — Крис подмигнул и расхохотался, когда Марьян недовольно скривился. — Побыстрее ее доводи, я первым встану в очередь на такого... выдающегося сотрудника.

Белянский вновь рыкнул:

— Если бы я мог от нее сразу же избавиться, то уже бы сделал это.

— Знаю, — кивнул рейян Дубинский. — Но я в тебя верю: тебе хватит пары часов, чтобы довести девушку до слез, после чего она сбежит.

Марьян бросил на Крису хмурый взгляд.

— Но ты можешь постараться ужиться с этой рейной хотя бы пару дней? Я бы тогда ставку сделал, — умоляюще попросил Дубинский. — Ну хоть попытайся. Если ее переведут куда-то в другое место, я же погибну! Такие ноги!

Белянский вытащил карандаш из-за лямки подтяжки и ки-нул в приятеля.

— Что, правда глаза колет? — ухмыльнулся Крис.

— Иди ты, — проворчал Марьян. — Нет чтобы посоветовать что-нибудь дельное.

— Если по делу, то не выгоняй девицу хотя бы пару дней, — став чуть серьезнее, сказал Кристэр. — Пристрой к работе. Пусть хоть чашки перемоеет. Все польза.

Белянский застонал.

— И прекрати ворчать и стонать. Сам знаешь, что для тако-го, как ты, помощника найти почти невозможно. Маги на столь ничтожную должность не пойдут, а обычных людей к нам не возьмут, — рассудительно заметил Дубинский. — Если бы ты в кабинете сидел и бумажки перекладывал... Но тебе же в поле надо! Сам посреди ночи срываешься, если приходит сообще-ние об убийстве. И требуешь непомерно. Тут и хороший рабо-тник не сдюжит. Вторую Белчер ты не найдешь, даже мужиков она когда-то обскакала и по характеру, и по способностям. По-тому и секретарь главного сейчас.

Марьян поморщился. Когда-то в подпитии он сам расска-зал Крису, что хотел бы обзавестись помощником, который хотя бы вполовину был бы так хорош, как рейяна Белчер, и те-перь постоянно жалел об этом.

Уходя, Дубинский притормозил у двери и с усмешкой под-мигнул приятелю.

— Ты не спеши, — снова посоветовал он. — Таким ногам грех пропасть где-то в захудалом периферийном управлении.

Марьян вновь поморщился, но двинулся вслед за прияте-лем, ожидая увидеть в приемной перепуганного розового зай-ца, за миг до этого отпрянувшего от двери. Но по захлавленной комнате вовсе не металась перепуганная секретарша. Рейна Бонс освободила себе краешек рабочего стола и преспокойно на него присела, закинув одну идеальную длинную ногу на другую. Узкая черная юбка чуть ниже колена натянулась, под-черкивая формы секретарши.

Щеки девицы не светились предательским румянцем, она не смотрела испуганно и выжидающе. Нет. Эта особа невозму-тимо воззрилась на вышедших мужчин темно-голубыми глаза-ми и продолжала сидеть, хотя старательному секретарю-но-вичку полагалось бы вскочить и замереть, вытянувшись в

струнку, с читающейся во взгляде готовностью исполнить любое поручение быстро и без участия мозгов.

— Прекраснейшее создание, — с обворожительной улыбкой произнес Крისტэр, глядя на девицу, — я рад, что теперь в нашем в целом очень мужском коллективе появился столь прекрасный цветок.

Девушка не зарделась, не потупила взор, но позволила себе чуть-чуть улыбнуться в ответ.

— Я... — хотел было продолжить Крис, но Марьян его перебил:

— Тебе пора.

Поцокав языком и еще раз обольстительно улыбнувшись рейне, Дубинский покинул приемную, оставив рейяна один на один с его новой подчиненной.

— Зайдите, — велел Белянский строго, толком не представляя, что собирается ей сказать.

Девица приглушенно процокала каблучками по вытертому ковру и вновь замерла перед его столом. Сев в кресло, следовательно еще раз окинул рейну Бонс придирчивым взглядом, а потом открыл-таки ее папку, неспешно просматривая вложенные документы. От столь пристального изучения девица просто обязана была начать нервничать и попытаться разбавить тягостное молчание сбивчивым рассказом о своей жизни, но рейна помалкивала и продолжала рассматривать рамочки с наградными листами у Марьяна за спиной.

— Вы окончили профучилище с отличием, — произнес он и кашлянул. — Но здесь нет выписки из вашего личного дела с отметками о том, какая вы способная, деятельная и как нам повезло, что вы стали сотрудником именно Центрального управления Гаруча.

Ему очень хотелось ее задеть, у Белянского был самый большой опыт среди всех его коллег по проведению собеседований. Рейян точно знал, что спрашивать у всех этих барышень, еще вчера получивших свои дипломчики в профильном училище, где из неодаренных детей магических семейств готовили будущих работников ручки и бумаги. Старший следователь давно выяснил, что особо усердные рейны переживают из-за своих маленьких достижений во время учебы или из-за их отсутствия, будто бы участие во всевозможных благотворительных мероприятиях, рисование стенгазет или дополнительные

курсы по варке кофе могли как-то помочь в карьере и сообщить что-то важное о характере конкретного выпускника.

— Да, этого нет, — согласилась Элла Бонс. — Я не участвовала ни в одном мероприятии, выезде и тому подобном.

— Что ж вы так, рейна Бонс? — усмехнулся Бемянский.

Девушка чуть пожала плечами и не ответила. При этом выражение лица у нее никак не изменилось.

— Ладно, — просмотрев папку до конца и узнав, что ему досталась одна из лучших выпускниц, перед этим отучившаяся в каком-то уездном пансионе, произнес Марьян. — Раз уж теперь вы будете здесь работать, я обозначаю некоторые уточнения по вашим обязанностям.

— Хорошо, — кивнула рейна.

— У нас здесь Центральное управление, серьезное заведение, так что вам лучше изменить цвет волос и гардероб, рейна Бонс, — с толикой ехидства произнес Бемянский. — Если вы и правда лучшая, то должны знать устав учреждения, где теперь работаете, и ваши должностные обязанности. И вы должны знать, что ваш внешний облик не слишком подходит для данного места.

Элла Бонс вслед за Марьяном оглядела себя, но старший следователь так и не дождался признаков растерянности или смущения на ее лице.

— В уставе и моих должностных инструкциях нет строгих ограничений насчет одежды, — спокойно и уверенно ответила рейна.

— Зато там есть пункт об изменении внешности, — ехидно заметил мужчина.

— Что касается волос, это мой натуральный цвет, — сообщила девушка, будто и не услышав последнюю фразу Бемянского. — Моя родня с материнской стороны восходит к магам-метаморфам, потомки которых, как вам должно быть известно, порой рождаются с волосами самых различных цветов.

Бемянский недовольно помолчал. Задеть девицу не вышло. На наследуемую внешность правила не распространялись, так что потребовать от рейны изменить натуральный цвет на какой-то другой он не мог.

— Что ж, — проскрежетал Марьян. — Вы можете приступить к своим обязанностям.

Элла Бонс секунду постояла на месте, будто ожидая указаний, но потом молча удалилась, хотя Бемянский рассчитывал,

что хоть на этот раз заставит девушку растеряться. Обычно все новые работники желали получить от начальства строгие инструкции на первое время.

Посидев несколько секунд над папкой с документами рейны, следователь мотнул головой и глухо предрек:

— Вряд ли от нее будет прок.

ГЛАВА 2

Выйдя в приемную, я не удержалась от широкой ухмылки. Со стороны мой начальник напоминал паровоз, выпускающий последнее облачко перед тем, как начать движение, или жеребца, роющего копытом землю. Будь я слепой и глухой, все равно бы почувствовала, что ко мне этот субъект относится предвзято и внезапным приобретением подчиненной очень недоволен. Что ж... Сам он от меня избавиться не сможет, а я еще четверть часа назад решила, что не дам Белянскому шанса довести меня. Пусть он совсем не тот начальник, которого я хотела получить, но секретарь старшего следователя — не обычный секретарь, а у меня не так много шансов достигнуть каких-то карьерных высот.

— Я тебе не нравлюсь? — глядя на дверь кабинета, прошептала я. — Придется потерпеть. Я не откажусь от подобного места из-за какого-то капризного мужика, который не видит меня своей помощницей.

Чуть постояв и переведя дух, я прошлась по приемной, обдумывая свои дальнейшие действия. Рейян не выдал мне конкретного задания, что давало мне возможность самой определить свои обязанности, четко перечисленные в должностных инструкциях.

— И с чего же мы начнем? — сама у себя спросила я, подтягивая рукава жакета до локтей.

На самом деле следующие несколько недель занятости мне были обеспечены.

— Сколько же лет тут вообще никто не убирался? — фыркнула я, первым делом распахнув все три высоких окна, благо сейчас в столице уже вовсю чувствовалась весна и я могла не волноваться, что выстужу помещение.

Дальше я открыла и подперла дверь в подсобные помещения, а после попарно снесла в кухню все чашки, блюда и

ложечки, умудрившись обнаружить последние даже под подушками кресел. Посуду предстояло перемыть, но сначала добыть остальную часть из кабинета начальника.

Громко и недовольно хлопнула сначала одна, а затем и вторая дверь, как бы уведолив меня, что начальство куда-то удалилось вместе со своим раздражением и хмурыми взглядами.

— И не надо, не надо так хлопать, — проворчала я себе под нос, осторожно подкравшись к кабинету и заглянув внутрь. Белянский отсутствовал, поэтому я быстренько отволокла остальные чашки в кухню и распахнула окна, прогоняя со своей территории застоявшийся коктейль запахов: бумажной пыли, чернил, едва ощутимую, но навязчивую кислятину кофе и чая.

Пепельниц я нигде не обнаружила и возрадовалась. В самом здании легкий шлейф табака ощущался, и я побаивалась, что придется мириться с присутствием этого запаха и на рабочем месте, где его не разбавят длинные коридоры и большие залы.

Убедившись, что нигде нет припрятанных от меня ложечек, остатков еды и тому подобного, я занялась осмотром углов, убедившись, что все артефакты, отвечающие за поддержание чистоты пола, на своих местах.

Уборщицу как штатную единицу упразднили еще в прошлом веке, когда изготовление артефактов чистоты стало массовым. Эти небольшие пластинки из специального сплава крепились по углам помещения и могли работать много лет подряд без сбоев, что значительно упростило жизнь очень многим людям как в нашем королевстве, так и в соседних государствах. Лично для меня это была настолько обыденная вещь, что я не представляла, как живут те, кто до сих пор сам машет веником и таскается со шваброй от стены к стене.

Проверять работу артефактов я не стала. С магией мне в принципе всегда стоило держаться осторожно. К этому я привыкла с детства, хотя уже очень давно научилась контролировать свою не самую удобную особенность.

Вернувшись на кухню, я рассортировала посуду, ногой выдвинула из-под столика мусорный артефакт и стала чашка за чашкой выскребать, отдирать и высыпать чайную заварку и кофейную гущу. Внутри металлической емкости раз за разом вспыхивало ярко-зеленое пламя, пожирая мусор без дыма и запаха. Хорошая вещь!

А вот мыть посуду предполагалось ручками, но разве это может напугать?

Проверив шкафчики и ящики стола, я покачала головой и вышла обратно в приемную.

— А Марьяна нет на месте? — с явно надуманной деловитостью спросил давешний мужчина, заглянув в приемную.

— Рейян Белянский вышел, но не уточнил куда именно, — отозвалась я.

— Жаль, — вздохнул мужчина. — Кстати, я забыл представиться: Кристэр Дубинский к вашим услугам, прекрасное со здание.

— Очень приятно, — вежливо улыбнулась я. — Элла Бонс.

— О! Вы родились на западе или севере королевства? — оведомился он, явно не собираясь идти разыскивать следо вателя.

— Не совсем, — уклончиво ответила я, не желая обсуждать с мужчиной происхождение своей фамилии, и улыбнулась вновь, чтобы смягчить свой краткий ответ.

— Я, знаете ли, давно увлечен исследованием своего генеалогического древа, — признался Дубинский, пытаясь заглянуть мне в глаза. — Весьма увлекательное и познавательное занятие.

— Вот как? — вежливо отозвалась я, хотя от меня не укрылось, что весь этот разговор затеян лишь для того, чтобы подольше задержаться в приемной. Мысленно хмыкнув, я состроила чуть растерянную гримасу и, понизив голос, призналась: — Знаете, мне нужно отыскать кабинет хозяйственника, а я не представляю, куда мне идти. Вы не могли бы мне помочь? Если у вас конечно же есть время.

Дубинский тут же сообщил, что совершенно свободен, согласен провести для меня экскурсию по управлению и все показать. Я одарила его очередной улыбкой и подавила желание погладить рейяна по голове.

На каблуках я была ровень с ним или даже на дюйм выше, так что в моменты, когда он наклонялся вперед, желая быть ко мне чуть ближе, я видела явный блеск будущей лысинки среди жидких светло-русых волос на макушке. В остальном же Дубинский походил на любого кабинетного работника: чуть бледный, с привычкой сутулиться, с некоторым намеком на будущее брюшко. На меня он взирал блестящими от восторга серыми глазами и все пытался казаться выше и стройнее, но со сто

роны это выглядело так, будто утром он вышел из дому, позабыв вынуть вешалку из пиджака.

Развлекая рассказами о себе и своих предках, Дубинский проводил меня на второй этаж, где и обнаружился нужный кабинет. По дороге он успевал упоминать и о тех помещениях, мимо которых мы шли. Теперь я точно знала, где заседает сам Кристэр, где обитают многочисленные спецы Центрального управления и с какими столичными отделами жандармов управление сотрудничает, когда возникают дела, связанные с применением магии.

— Вы были очень любезны, — произнесла я, останавливаясь у двери хозяйственника.

— Так, может... я вам помогу? — попытался было продлить общение Дубинский. — Вам же придется нести все на третий этаж, а столь прекрасной рейне не следует таскать тяжести.

— Спасибо, — улыбнулась я, — уверена, что справлюсь.

Мужчине пришлось отступить, хотя он пытался проникнуть в помещение вслед за мной.

— Рейян Дубинский, — раздалось, как только я открыла дверь к хозяйственнику, — хватит таскаться, нет у меня для вас карандашей! Нету!

— Феклочка! — простонал Кристэр, чуть не заламывая руки. — Как ты могла подумать? Я не за этим. Я провожал нового секретаря Марьяна. И только! И только!

Статная девица с толстенной золотистой косой, перекинутой вперед, на монументальную грудь, прищурилась, внимательно глядя на мужчину. Тот попятился и быстро ретировался.

— Здравствуйте, — улыбнулась я девушке.

Та перевела на меня быстро оттаявший взгляд и улыбнулась в ответ. У нее было почти круглое лицо, густые светлые брови, добрые голубые глаза в обрамлении чуть более темных ресниц, вздернутый носик, россыпь веснушек и полные улыбочивые губы.

— Доброго утречка, — ответила девушка. — Так вы и правда секретарь Беянского?

— Да, — призналась я и горестно усмехнулась.

— Бяда-бяда, — покачала головой девушка, — огорче-эние.

У нее обнаружился забавный говор с привычкой четко проносить гласные и растягивать слова.

— Думаете? — с чисто женской хитринкой во взгляде спросила я.

— Марьянчик хоть и ловит лиходеев, — произнесла девушка, — но и сам, как злодей, лютовать может.

— Ну, это нужно просто принять как должное, — пожалала я плечами.

— Оптимистка вы, — развеселилась девушка и улыбнулась широко, показав ровные белые зубы. На ее щеках появились обаятельные ямочки.

— Меня зовут Элла Бонс, — представилась я.

— Фекла Слепакова, — с удовольствием ответила рейна. — Так вы...

— Можно на «ты», — перебив, дружелюбно предложила я. — И я явилась за всем, что полагается секретарю Белянского, чтобы справляться с тягой начальства плодить грязные чашки, копить пыль и... в общем, за полным набором.

— Это мы сейчас, это мы всегда... — Фекла покивала и подвинула к себе толстую амбарную книгу. — Посиди пока.

Я опустила на стул у широкого стола, за которым восседала хозяйственница. По одному лишь внешнему виду передней части ее владений, не скрытой перегородкой, было видно, где я нахожусь: здесь было чисто, все учетные книги сложены в идеальные стопки, пахнет чем-то ненавязчивым и цветочным.

— Туточки распишись, — велела рейна, разворачивая ко мне книгу.

Я быстро пробежала глазами запись, оценив масштаб бедствия. Похоже, Фекла решила отдать мне все, что не было востребовано секретарями Белянского до этого момента.

— А что, до меня у Белянского секретари ничего не делали? — спросила я осторожно, подсчитывая в уме количество всего, что мне предстояло нести наверх.

— У него за пять лет, что он в старших следователях ходит, сменилось штук пятнадцать помощничков, — ответила хозяйственница, уходя за ширму. — Парни недельки по две при нем сидели, а девицы, бывало, и через час заяву строчить садились.

Я понятливо хмыкнула. И так уже сообразила, что начальник мне достался неуживчивый и требовательный.

— Так что ты не горюй, коли взвыть захочется, — посоветовала Фекла, возвращаясь к своему столу с объемной коробкой. На дне коробки лежали стопками блокноты, мыло в плотной коричневой бумаге, продолговатые стеклянные флаконы с чем-то булькающим внутри и целая россыпь артефактов.

Я чуть поморщилась и осторожно спросила:

— А можно мне на гномское поменять?

Хозяйственница дунула на челку и удивленно спросила:

— Не уважаешь магическое?

Я неопределенно пожала плечами, позволяя рейне самой додумать смысл моего жеста. Отвечать прямо не хотелось, пришлось бы признаться, что я стремлюсь иметь рядом с собой как можно меньше артефактов, особенно среди предметов, которыми предстоит ежедневно пользоваться. Благо последние две сотни лет маги и гномы всячески конкурировали друг с другом, подходя к решению одних и тех же задач с разных сторон, тем самым обеспечивая любого жителя достаточно широким выбором. И я выбирала пусть более массивные, подчас неудобные и устрашающие изобретения гномов, а не заключенные в артефакты заклинания.

Хозяйственница без дальнейших возражений артефакты убрала и начала складывать в коробку ручки, карандаши, сменные капсулы с чернилами для ручек и многое другое.

— Кофе молотый или в зернах? — спросила она, когда коробка заполнилась на четверть. — Магической плиткой тоже пользоваться не будешь?

— А что предпочитает мой шеф? — спросила я.

— Марьянич у нас личность весьма оторванная от быта, — усмехнулась Фекла. — Ему лишь бы горячо и бодрило, а что именно налито в чашку, не суть. Хоть рыбьего жира ему подогретого плесни — выпьет и не заметит.

— Тогда в зернах, — решила я. — Мне ведь тоже кофе здесь пить. А чай какой есть?

Хозяйственница указала мне на стеллаж в простенке между окнами, и я долго рассматривала жестяные коробочки, пытаюсь отыскать что-то поприличнее. Для нужд работников даже такого важного учреждения, как Центральное управление, и кофе, и чай покупали весьма и весьма посредственного качества. Морщась, я все же выбрала несколько упаковок, уточнила о количестве, которое рассчитано на моего начальника до следующего получения, убеждаясь, что чаю и кофе брать можно столько, сколько нужно. Цапнув там же маленькую стеклянную баночку с кардамоном, я со стоном уложила добычу в коробку.

С нормальными напитками придется что-то делать. Даже в том кафе, к которому я была приписана от работы, в чашки раз-

ливали не такую откровенную бурду, которую мне предлагалось подсовывать начальнику.

«Ему, может, и все равно, а я не хочу давиться отвратительной горькой гадостью под видом кофе или отваром сена под видом чая», — хмуро подумала я и попросила у Феклы добавить в коробку сахар.

— Белянский так глотает, — снова просветила меня девушка, но я кивнула и пояснила:

— Зато я без сахара не могу.

— А как же фигура? — с таким явным завистливым удивлением спросила она, глядя на меня, что я едва не засмеялась.

Но я сдержалась, а то мой смех прозвучал бы для полненькой, но такой внешне уютной рейночки обидным карканьем.

Не могу же я ей сказать, что никогда и ни в чем себя не ограничивала. Не поверит. Еще и обидится. А мне совсем не хотелось портить отношения с первой же встреченной в управлении женщиной. Тем более с местной хозяйственницей.

— Я всю жизнь веду себя как курица без головы, — специально выбрав сравнение в свой адрес пообиднее, призналась я, понизив голос и чуть подавшись вперед, будто в моих словах была тайна. — Мечусь из стороны в сторону. И весь мой вид от этих метаний, а не от строгости к себе или каких-то стараний. Даже наоборот, я бы, может, хотела чуть-чуть поплотнеть. Кожа ведь да кости.

Я покривила душой, выдав полуправду, но, решив начать новую жизнь и не знакомить окружающих со своим прошлым, приходилось юлить и изворачиваться.

— А я вот сижу туточки, — вздохнула рейна. — Скоро к стулу прирасту. А потом то чайку с плюшкой, то конфеток кто принесет...

Я искренне посочувствовала девушке, хотя выглядела она замечательно и я не могла представить себе Феклу худышкой. Бывают такие уютные доброжелательные представительницы прекрасного пола, которым удивительным образом идет некоторая полнота. Эта мягкость лучше всякой худобы подчеркивает их характер, обаяние и женственность.

— А плиткой я буду пользоваться магической, она быстрее готовит, — меняя тему, сказала я и улыбнулась хозяйственнице.

Когда с большей частью полагающихся мне расходников было покончено, Фекла принесла из-за ширмы стопку полотенец, тряпочек и тому подобной мелочовки.

— Что-что, а помыть руки Марьянчик любит, — вновь поделилась информацией девушка. — Правда, полотенца, которые я последний раз выдавала, даже в стирку не сдал. Ты там поищи. Мне хоть в отчетность надо вбить, списала я их как потерянные или еще есть шанс вернуть.

Я хихикнула и пообещала поискать. Поставив еще несколько подписей в разных учетных книгах, я заглянула в коробку, соображая, все ли взяла.

— Да, тяжеленная коробочка вышла, — по-своему поняла мой жест хозяйственница. — Не донесешь ведь сама.

— Все нормально, — вежливо улыбнулась я в качестве благодарности и подняла коробку. — Я сильная. Я ведь знала, куда работать иду. Не кисейная барышня.

— Ну смотри, — скептически глянув на меня с огромной коробкой, еще более протяжно произнесла рейна.

— Спасибо.

Я извернулась, зацепила ручку двери двумя пальцами и вырулила в коридор, едва не столкнувшись там с парой высоких мужчин в одинаковых форменных кителях жандармов. От неожиданности они не успели увернуться, но я, героически прижав к груди коробку, умудрилась вильнуть в сторону и не вывалить на незнакомцев то, что мы с Феклой собирали не меньше получаса.

— Простите, — в унисон промычали мужчины, уставившись на меня. Один косил глазом на то, что было выше коробки, а другой — ниже.

Оценив фасад, оба разом вспомнили, что стоят молча непроизвольно долго, и хотели хоть что-то сказать, но тут из хозяйственного отдела выдвинулась Фекла, и мужчины ступали, неразборчиво замямлили и скрылись за ближайшей дверью.

— Чисто лоси! — воскликнула рейна так, чтобы долетело до сбежавших, и уже тише, только для меня пояснила: — На тебя глянуть пришли. Уже и простые жандармы знают.

Я лишь согласно кивнула. Чего-то подобного я и ожидала. Как и того, что в ближайшие дни в приемную Белянского то «по ошибке», то по какому-нибудь «важному делу» будут забегать все обитатели управления, изнывая от любопытства.

— Готовься и не удивляйся, эти петухи, олени и остальные лоси ставки делают на то, как скоро от Белянского очередная жертва сбежит, — предупредила хозяйственница.

— И много ставят? Может, и мне поставить? — спросила я с интересом, хотя в деньгах совершенно не нуждалась. В надежном гномьем банке на моем счету лежала приятная сумма, которая позволяла в случае чего уволиться и просиживать все время дома. Но мне не хотелось раньше времени трогать эти деньги. Их мне оставила в наследство прабабка, заявив, что моя мать и так обойдется, а мне с моими особенностями будет трудно найти себе мужа, способного обеспечить мне достойное будущее и стабильность. Лишь ей одной я призналась, что не горю желанием вообще выходить замуж, и прабабка, женщина сильная и волевая, наградила меня за смелость и адекватное восприятие себя.

— Надо будет узнать, — подмигнула мне Фекла. Эмоции она скрывать не умела, так что я мгновенно заметила промелькнувшее в ее взгляде и улыбке облегчение. Похоже, рейна нежно любила Центральное управление и свою работу, и ей совсем не хотелось, чтобы в глазах нового человека они выглядели неприглядно. — Хотя мне они не скажут, конечно. Пусть в управлении и есть женщины, но мы трудимся там, где всю видимую и важную работу делают эти любопытные ко всему новому мужики.

— И много здесь женщин? — пользуясь своим внезапным информатором, не замедлила спросить я.

— Четыре... Ты пятая. Я, тетя Соня, Белчер и Изольда.

— А?..

— Тетя Соня — это... ну, кухарка, что ли? Иначе не скажешь, — охотно стала рассказывать Фекла, провожая меня к лестнице и грозно посматривая на закрытые двери. — Она на самом верху, при начальстве. Белчер — секретарь главного, она за все годы службы ни разу шефу даже кофейку не сварила. Важная и деловая дама. Строгая. Но она и правда важна для главного, она его негласный заместитель. А кофеек поднести, обед подать или ужин, если начальник до ночи в кабинете засел, — это тетя Соня. Милейшая рейяна. Ее и сманить пытались, и шефа уговаривали тетю Соню отдать, золотые горы обещали, а она ни в какую. Не ушла, хоть и тяжело тут.

— Ясно, — кивнула я.

— А Изольда — стенографистка и машинистка. Она в общем зале сидит. Это туточки, во-о-он за той дверкой. — Девушка указала подбородком на двери по правую руку от себя. — Там большой зал, перегородок почти нет. И Изольда там, за своим столом. Ее работа — на допросах в управлении за гномьей печатной машиной сидеть. У них для этого еще пара людей есть, но женщина только одна. Изочка, кстати, очень нежная и трепетная, аки лань. Но работник отличный. Ее как-то посадили документировать допрос какого-то убийцы. Все знали, что Изольду подобное пугает. Но она от рассказов о жестоких зверствах не сбежала, а отсидела до самого конца и даже в полубомороке продолжала выбивать буквы.

— Какая ответственная, — восхитилась я. — Ты извини, я побегу, а то коробка тяжелая.

— Ой, прости! — всплеснула руками хозяйственница. — Я и забыла! Беги, беги, конечно.

— Ничего, — ответила я и запыхтела, будто у меня от тяжести заболели руки.

Улыбнувшись рейне на прощанье, я умчалась на свой этаж.

ГЛАВА 3

— Мужик косяком пошел, — едва слышно хмыкнула я себе под нос через полчаса, когда в приемную с деликатным стуком заглянул следующий любопытствующий.

Я только и успела, что отнести свою добычу в кладовку и вынуть из коробки средства гигиены. Чтобы не заниматься этим потом, я обыскала туалет начальника. В него вела неприметная дверь прямо из кабинета, а само помещение располагалось в конце довольно длинного коридора и было снабжено всеми нужными приспособлениями гномьего производства. Там я обнаружила те самые утерянные полотенца и заменила их свежими. В остальном же помещение не требовало моего внимания. Артефакты послушно делали свое дело, в мыльнице лежал совсем свежий брусок мыла, взятого явно не у хозяйственной Феклы. Да и в остальном место выглядело аккуратнее и чище, чем кабинет Белянского.

— Склонность к чистоте и гигиене — это жирный плюс в вашу характеристику, шеф, — усмехнулась я, возвращаясь в свои подсобки с полотенчиками, которые кто-то явно стирал,

но опять же не вонючим казенным мылом. — Жена или любовница? Было бы неплохо.

И вот как раз тогда, когда я, засучив рукава, принялась за замачивание чашек, выстраивая их на столешнице рядом с мойкой и вливая в каждую воду со слабо разведенным моющим средством, явился высокий и весьма упитанный человек в вытертом серо-бежевом костюме-тройке. Услышав, что кто-то со слоновьей деликатностью крутится в приемной, я выглянула из кухоньки, приподняв бровь, оглядела посетителя, пока он стоял ко мне спиной и можно было не изображать гостеприимство.

Он был грузен и из-за своего роста казался просто огромным, широким и неповоротливым. Костюм на нем трещал — ни пиджак, ни жилетка не желали сдерживать рвущиеся во все стороны телеса. Щеки его виднелись даже со спины, сзади на затылке сквозь коротко стриженные темные волосы проступала кожная складка.

— Здравствуйте, — выдвинувшись немного в приемную, обратилась я к мужчине, — могу вам чем-то помочь? Я секретарь рейяна Белянского, его сейчас нет на месте, а я не в курсе расписания его дел. Вам назначено? У вас какой-то срочный вопрос?

Рейян как мог быстро повернулся и уставился на меня с видом толстого кота, который наконец разглядел мышь. Щеки мужчины тут же стали оттенка свеклы, а от улыбки глаза превратились в узкие щелки.

— Так это правда! — густым басом, чуть растягивая гласные, почти пропел он. — У нашего Белянского новый секретарь!

«Интересно, сколько раз за сегодняшний день я услышу эту фразу? — с тоской подумала я, ожидая, когда мужчина бесцеремонно осмотрит меня с ног до головы. — Если больше дюжины, то вечером я слопаю ту коробку печенья, что привезла с собой».

К липким изучающим взглядам я давно привыкла и прекрасно отдавала себе отчет, что в узкой юбке, шелковой блузке и на высоченных каблуках мне не избежать повышенного внимания в первый же рабочий день. На самом деле я сознательно выбрала именно такой наряд. За один день, полный всеобщего внимания, обо мне должно было сформироваться определенное мнение. Я просто обязана с этого и до последнего дня своей работы здесь в глазах коллег быть яркой, женственной, добро-

желательной, умненькой и... обычной рейной. Здесь и сейчас я хотела начать жизнь заново, раз уж тут меня никто не знает, ведь я, как и многие другие, имела право на жизнь самой простой девушки. Пусть я никогда не стеснялась своих особенностей, но в глазах окружающих они слишком выделяли меня из толпы остальных рейн и рейян.

— Рейян Себастьян Калтуховский! — с важностью оперного конференсье произнес мужчина, продолжая беззастенчиво шарить по моей фигуре взглядом. — Судмедэксперт управления.

— Очень приятно, — старательно контролируя выражение лица, ответила я и чуть-чуть улыбнулась. — Так у вас срочное дело к рейяну Белянскому?

— Ах, это все мелочи, — ответил мужчина, махнув рукой. — Мое дело может и потерпеть. Так вы теперь...

Он так растянул фразу, пытаясь найти подходящий вопрос, не выходя при этом нелепо, что просто не успел ее закончить — в приемной появился мой начальник. Я едва не расплылась в искренней улыбке. А когда Белянский при виде судмедэксперта и меня, застывшей на пороге, откровенно поморщился, мне захотелось расцеловать начальника в обе щеки. Спаситель!

— Калтуховский? — спросил рейян так, будто не узнал его. — Какими судьбами?

«Такими! — едва не ответила за эксперта я. — Известно какими!»

— Марьян, я на секунду, — пробасил великан. — Я лишь хотел кое-что уточнить по тому делу... — Он замаялся, как-то разом под хмурым взглядом Белянского из огромного и представительного великана превратившись в подростка. — Ну... по тому делу. По прошлому!

— Я закрыл дело два дня назад, — прошипел мой шеф. — И там все ясно и без твоего экспертного мнения, Себ. Мне хватило консультации Харта.

— Да что знает этот мальчишка? — вспыхнул было рейян, но потом, сообразив, что еще секунда и он начнет брызгать слюной, стучать себя копытом в грудь и доказывать собственную значимость, поперхнулся, закашлялся и гораздо тише и мягче пробормотал: — Да я просто кое-что хотел сказать. Это, в сущности, пустяк...

— Ну давай ты мне расскажешь о своих пустяках, — с крокодильей улыбкой и ледяным взглядом произнес Марьян Белянский, пересекая приемную. — Проходи.

Калтуховский так затравленно глянул на дверь кабинета, которую мой начальник для него открыл, что мне в очередной раз захотелось рассмеяться.

— Проходи-проходи, — позвал мой начальник. Он был чуть пониже огромного быкоподобного мужчины и значительно мельче в сравнении с ним, но в этот миг выглядел грозно и даже устрашающе. — Бонс!

— Да, шеф? — внезапно для себя выпалила я.

— Кофе, — не глядя на меня, велел начальник и, обойдя Калтуховского, чуть подтолкнул того в спину.

Судмедэксперт вздрогнул, судорожно вздохнул, с сожалением оглянулся на меня и с обреченным видом потопал в кабинет. Я секунду постояла на пороге, дождалась, когда мужчины отвернулись, и с облегчением выдохнула.

Мужчин я никогда не боялась. Но порой явное внимание некоторых представителей этой части населения меня нервировало и раздражало. Например, как сейчас. А мне нельзя выдавать себя!

Вздохнув, я вернулась на кухню и тщательно вымыла и вытерла полотенцем пару чашечек, нашла к ним блюдца, ложки и зарылась в имевшуюся на кухне посуду, ища турку нужной мне формы — медную, с широким горлышком. Кофе в жестянках оказался именно таким, как я и предполагала, но пришлось безропотно смолоть пригоршню зерен и отдельно несколько семян кардамона. Лично мне нравился черный или зеленый кардамон, но я ничего не имела против белого. Все лучше, чем ничего. А вот сахар, на удивление, оказался розовым, очень хорошим.

Сосредоточившись, я насыпала в турку кофе, кардамон и долила воду, а после, тщательно себя контролируя, соединила раздвинутые камни плитки, прежде чем поставить на нее турку.

Такие плитки маги внедрили относительно недавно. Как именно они работали, я, естественно, не знала — людям без дара это даже родные-маги не объясняют, — но давно привыкла, что если сдвинуть на специальной металлической подставке две половинки разрезанной каменной плитки, то через несколько секунд та начнет нагреваться. Именно из-за камня, по-

хожего на плоскую черепицу, которой крыли дома в большей части королевства, это магическое изобретение и называли плиткой. Разъединять части камня предлагалось специальной металлической палочкой. Ее втыкали в небольшое отверстие между половинками камня, и пружины растаскивали половинки в разные стороны.

Раньше использовалось изобретение поменьше и попроще, похожее просто на каменную подставку. Но механизм включения и выключения мог отреагировать на что угодно, и это приводило к ожогам, травмам, а иногда и пожарам, что совсем не радовало как владельцев артефактов, так и их соседей.

Наблюдая за процессом в турке, я вымыла еще несколько чашек. Когда на поверхности жидкости стала появляться пена, я чуть приподняла турку, а после проделала этот маневр еще пару раз, давая образоваться устойчивой пене.

Кофе в турке хватило не только на чашки для мужчин, но и на пару глотков для меня. Внимательно приняв хавшись к жидкости, я сделала крошечный глоток, втянула щеки и вдумчиво погоняла жидкость во рту.

В моем личном деле и правда не были указаны те многочисленные дополнительные предметы и курсы, которые брали другие учащиеся. И совсем не потому, что у родителей не было денег оплачивать их мне или я прижимисто сэкономила на собственном образовании. Вовсе нет. Я со всей ответственностью сходила на вводные занятия по всем предметам, которые преподавали в учебке, и на все спецкурсы, которые проводили учителя вне учебной программы для общего развития. Сходила и поняла, что делать мне там нечего. Нельзя научиться готовить вкусный кофе или чай, сидя за партой, это как учить слепого видеть. Сухие буковки надиктованных инструкций позволяют изобразить нечто, что, вероятно, будет пахнуть как чай или кофе, но и только.

Не ощутив в аудитории даже намек на ароматы кофе и чая, не говоря уже о многочисленных добавках к этим напиткам, я собрала свои вещи и ушла. Зачем оставаться там, где меня не научат чему-то дельному?

Так у меня было всегда.

В пансионе я могла выходить за территорию после занятий, чему завидовали все другие девочки. Они считали, что я просто везучая нахалка, но первая же попытка поставить меня на место плохо для них кончилась, так что свое мнение они дер-

жали при себе. Учителя то ли верили в особую характеристику из моего дела, гласившую, что мое физическое развитие выше среднего и что я обладаю излишней подвижностью, то ли просто закрывали на все глаза, но никто удерживать меня не пытался.

Надо сказать, что до шестнадцати лет я была тощей и совершенно плоской, с детским личиком. Какое там «развитие выше среднего»! Я до головной боли и бессонницы завидовала другим девочкам, одна за другой превращавшимся в аккуратненьких юных рейночек с выпуклостями в нужных местах.

В итоге я старалась как можно больше времени проводить вне стен пансиона, много гуляла по окрестностям, совершенно не боясь прохожих, знакомилась с кошками и лазила по деревьям и заборам. Так я и познакомилась с рейяной Фанной, которую очень скоро стала звать просто Фанни.

Фанни жила не в городе, а в отдельном доме недалеко от пансиона. В прежние времена она была женой какого-то важного местного чиновника, но он умер гораздо раньше супруги, завещав ей дом, а местная казна выплачивала ей какую-то сумму вдовьих. Я никогда не спрашивала, сколько же у нее денег, я была ребенком, и меня это не интересовало. Я никогда не жила в своем доме, не выбирала себе одежду и не решала, что мне есть. Пусть все это было казенное и безликое, но у меня было все, что нужно. А Фанни жила очень бедно. И я поняла это лишь через несколько лет.

Мы впервые встретились на широкой проселочной дороге, когда я с горячим любопытством разглядывала засевших в высокой пшенице куропаток. Те вытягивали шеи, таращились на меня, но не улетали. А потом внезапно сорвались и унеслись прочь. Я со стоном обернулась, чтобы узнать, кто же помешал моему безобидному занятию, и впервые увидела Фанни.

Она шла по дорожке, постукивая своей тросточкой и жмурясь от яркого солнца, проникавшего сквозь дырочки в ее соломенной шляпке. Лучи высветили ее длинный мясистый нос, скулы и плотный барашек седых бровок. Она уже тогда была очень стара, но держалась удивительно прямо, не горбясь, как истинная аристократка, каковой и являлась.

Как и почему мы подружились — не знаю. Уже и не вспомню. Но я с радостью бежала к этой уверенной в себе, невероятно стойкой женщине. Она через очень многое прошла, но оставалась ироничной и спокойной. Она напоминала мне праба-

бушку, но ту я видела всего три или четыре раза за всю жизнь, а рядом с Фанни я провела три удивительных года.

Лишь ей одной я позволяла себя ругать, лишь ее одну называла своим другом. Возможно, она считала меня кем-то вроде дочери или внучки. Не знаю. Она звала меня Эллочкой и деточкой, но не более того. Иногда обнимала, крепко прижимая к себе, но в ее взгляде я не замечала ни тоски, ни сожаления. Мы и в последний раз с Фанни не обнялись, просто попрощались до следующего раза, собираясь вместе отправиться за черникой...

Я приходила к Фанни пить чай. Именно она научила меня не только разбираться в нем, но и заваривать. А самой важной частью приготовления чая Фанни считала сбор трав. Она любила самый обычный черный, нежнейший зеленый, но больше — травяной и ягодный. И мы много гуляли, собирая целые корзины всевозможных трав, цветов и ягод. Свою добычу мы сушили, толкли в ступках и запирали в стеклянных банках, а потом, когда начинало темнеть, усаживались за круглый стол на веранде под большим абажуром и долго пили чай. С ягодами, с травами, со специями, с молоком. Над нами кружились звонкие голодные комары, а мы отдувались и хрустели колотым сахаром.

И потом, несколько лет спустя, перебравшись в Вербич и поступив в профучилище, я не могла предать память о Фанни и перечеркнуть все те знания и умения, которые мне подарила эта невероятная пожилая рейяна. Так что на дополнительные занятия я не ходила, а тратила время на то, что посещала городскую библиотеку, гуляла по городу и терроризировала хозяев кофеев и чайных, выискивая тех, кто мог хоть чему-то меня научить. Естественно, записи об этом в моем деле не имелось.

Покатав во рту глоток кофе и несколько раз глубоко вдохнув носом, я сплюнула в раковину. В качестве попавшегося мне кофе я не ошиблась, кардамон его не спас, но я уже придумала план выхода из этого положения и собиралась заняться его реализацией после работы.

— Ваш кофе, — едва слышно пробормотала я, входя в кабинет начальника с подносом.

Бемянский на меня даже не взглянул, а что-то мычавший до этого судмедэксперт мгновенно умолк. Неслышно поставив чашки на стол, я унесла из помещения ноги, боковым зрением заметив обреченный взгляд Калтуховского.

ГЛАВА 4

— Ты мне лучше по делу маньяка что-нибудь скажи, — стараясь не повышать голос, потребовал Марьян. — Я ведь просил тебя бумаги посмотреть.

— Марьян, да где ж я тебе это дело найду? — нервно вскинулся Калтуховский и даже немного подпрыгнул в кресле, отчего оно страдальчески хрустнуло. — Тому делу уже тридцать лет! Если тебе рейяна Белчер сказала, что уже видела похожее дело когда-то, то она бы хоть детали уточнила. У нас в картотеке много разных сведений, но мне что, весь отдел к делу припрягать?

— А мне где это дело искать, будь оно неладно? — возмутился Марьян. — Мой предшественник все оставил в таком состоянии, что в старых делах хракс ногу сломит!

Белянский бросил на стол карандаш, подхватил с блюдечка чашку и, обжигаясь, глотнул кофе.

— А может, и не было такого дела, — с надеждой пробасил Себастьян и тоже отпил из чашки. — Белчер — хороший секретарь, но и она может ошибаться.

Марьян хмуро воззрился на судмедэксперта и ничего не ответил. Мнению рейяны Белянский был склонен доверять гораздо больше, чем Калтуховскому, который на пару с бывшим старшим следователем отдела убийств устроили полнейший бардак в документации.

Домыв чашки, протерев все поверхности и закрыв наконец окна в приемной, я оглядела завал из папок там, где должно было быть рабочее место секретаря.

— Да-а, закопаюсь знатно, — прошипела я себе под нос, подступая к горе.

Походив вокруг стола и присев на корточки перед креслом, где тоже высилась стопка папок, я очень быстро отметила, что хотя все папки и были разной степени истрепанности, но почти у всех картон на корешке выгорел. Значит, это папки не из какого-то хранилища. Присмотревшись внимательнее, я заметила, что у части папок корешки выгорели лишь на верхнюю треть, словно свет снизу что-то перекрывало...

— Ага! — радостно прошептала я. — Это папки со стеллажа.

Если это папки из приемной, значит, это моя территория и мне не нужно ни под кого подстраиваться, учитывать чье-то мнение.

Воодушевившись этой мыслью, я довольно подтянула рукава жакета и приступила к работе. На папках не было номеров, а если и были, то какие-то несуразные, так что я очень быстро отказалась от попытки рассортировать по этому принципу. Сортировать по новизне папок тоже не вышло, потому как в паре очень старых папок оказались дела, раскрытые всего лет семь назад, а в новых — очень давние. Тогда я плюнула на все и стала собирать дела по первой дате в бумагах. Это занимало уйму времени, но зато очень скоро на полу стали вырастать ровные стопки, в каждой из которых были дела за один конкретный год.

Произведя первичную сортировку и освободив наконец свое рабочее место, я приступила к нудной, но, похоже, просто необходимой работе. Перетащив на столешницу первую стопку, я старательно выписала в блокнот информацию по каждому делу, а после самовольно пронумеровала папки и вывела вверху на обложке даты открытия и закрытия дел. Только после этого папки из стопки перекочевали на полку стеллажа, а я взялась за следующую стопку.

Я так увлеклась процессом, что не обратила внимания, как открылась дверь и в приемную из кабинета вышел рейян Калтуховский. Мужчина был хмур и бледен. Я следила за ним краем глаза, опасаясь, что судмедэксперт вот-вот вновь обо мне вспомнит и придется как-то отбиваться от этого медведя. Но рейян секунду постоял у закрытой двери и, глядя в пространство, утопал прочь.

Глянув на закрывшуюся дверь, пожала плечами и продолжила свою работу. Если мой начальник способен довести кого-либо, то это не мои проблемы.

За следующие несколько часов в приемную постоянно ломались обитатели управления и жандармы. На пятом посетителе, который даже не пытался прикинуться, что у него важное дело, я включила самую лучезарную свою улыбку. Ее я берегла на потом, но пришлось использовать сейчас. Погрязшие в работе и почти чисто мужском обществе работники магконтроля, видя мои сияющие глаза и белые зубки, выпадали из реальности. Если объект проявлял чудеса стойкости, я решительно поднималась из-за стола, расправив плечи. Мужчины тара-

щились на фривольные шелковые оборки жабо, не столько скрывавшие, сколько еще больше подчеркивавшие грудь, на ноги в чулках с идеальной стрелкой и послушно теряли дар речи, позволяя мне или выставлять их из приемной, или усаживать в кресла для посетителей с чашкой кофе.

В какой-то миг из кабинета на ровный гул голосов вынырнул Белянский, хмуро оглядел рассеившуюся толпу мужчин и, не повышая голоса, сказал:

— Как я погляжу, у вас уйма свободного времени? Так я мигом вам дело найду.

Мой зрительный зал как ветром сдуло всего через пару секунд. Парочка особо резвых смоталась прямо с чашками в руках, но я не стала орать им вслед. Проследив, как за последним жандармом закрылась дверь, шеф вновь скрылся в кабинете, так и не взглянув на меня.

Я снова закопалась в папках и прозевала момент, когда за окном начало темнеть. За все это время шеф из кабинета ни разу не вышел, но это и неудивительно — удобства все под боком, а еду можно и через портал в кабинет доставить. Кстати о еде...

Прижав ладонь к животу, я поморщилась и поднялась. Нельзя, нельзя забывать о себе. Рабочее рвение — это прекрасно, но мне за него вряд ли хотя бы спасибо скажут.

Убрав чашки и вытерев столик в зоне для посетителей, я собрала с пола папки, стараясь соблюдать последовательность, и перенесла их в угол за свой стол, где они бы никому не помешали в мое отсутствие. Папок было еще очень и очень много, я разобрала едва ли десятую часть всех дел, но ровный рядок на верхней полке стеллажа безмерно радовал. Если продолжать в том же темпе, то за пару-тройку дней я наведу порядок и мне будет не стыдно перед посетителями.

Я все оттягивала и оттягивала момент, но, в конце концов, собралась с духом, тихо постучала и заглянула в кабинет. Мой рабочий день закончился еще два часа назад, но просто молча уйти...

В кабинете царил тот же перманентный кавардак, который я видела утром, разве что папок на столе начальника стало чуть поменьше, а освободившееся место заняла большая настольная лампа. Сам рейян Белянский с хмурым выражением лица что-то быстро писал, то и дело сверяясь с какими-то клочками бумаги.